

ЧЕРНЫЙ СПИСОК

РЕПРЕССИИ

Ему вдребезги разбили машину.

На следующий же день после того скандального эфира, когда он (вместе с нынешним боссом «вестийного» ТВ Олегом Попцовым) в довольно напористом ключе «допросил» Ельцина. Интервью видела вся страна. В том числе и соседи Сергея Ломакина.

Машина у него, как он уверяет, всего одна. Старая. Битая. (По его опять же словам). Поэтому приходится порой ездить на метро. И бывало, что к нему подходили и бросали в лицо: «Предатель!» Это он тоже рассказывал.

Ему, конечно же, не просто.

Публично высказать свою нелояльность к Борису Николаевичу опаснее, чем поссориться с дворовыми хулиганами. Рискнешь нажить сразу подстраниц хмурых недругов. И, видимо, одного-единственного союзника в лице Раисы Максимовны. Что — при нынешнем-то раскладе — не сверхприбыльно.

Пресса дружно выбрала Сергея Ломакина «мальчиком для битья». Его перестали мишенью лишь после того, как он (в конце прошлого лета) исчез-таки с ТВ-экранов. Возвращение (программа «Утро») прошло не то что незаметно, но и без лишнего шума.

Ярлык ельцинского недоброжелателя (читай: врага народа) будет, наверное, долго изнурять Ломакина. И, видимо, он ту давнюю ситуацию переживал остро. (Не только в разбитой машине дело.) Самое любопытное — у него ведь некогда было записано совсем другое интервью с Борисом Николаевичем! Когда последний еще не был российским Президентом. А Сергей работал во «Взгляде».

Сам «кремлевский» репортер считает, что его никак нельзя причислить к слугам Системы. Хотя бы потому, что и его отец, и дед были жертвами сталинского режима.

Конечно, кровавый этот аргумент не вполне убедителен. Но есть, есть право на оправдание. Даже если человек обидчиво уверяет, что ему-де не в чем оправдываться. И даже если это — правда. Впрочем...

КАРЬЕРА

— В одной из программ «Взгляд» был материал о Карлаге. Подготовили наши ребята с Карагандинского телевидения, и я сидел (в эфире), что вот лагерь, где сидел мой дед в те

годы. Я никогда не видел эту зону, только на экране.

— А как и когда ты пришел на ТВ?

— Работал в АПН. В редакции Ближнего Востока и Африки. Меня там не удовлетворяла работа. 1974-1977 годы — самый расцвет «брежневизма». Нас всех заставляли делать материалы о советском образе жизни. Многие сидели только из-за того, что была возможность поехать (через какое-то время) за границу, работать в бюро АПН. Я перешел на телевидение при помощи своего старинного товарища (соседа по лестничной клетке) Андрея Меньшикова. Он познакомил меня с Эдуардом Сагалаевым, который тогда как раз был назначен заместителем главного редактора молодежной редакции. Вся редакция делала в то время эпопею «Наша биография» к 60-летию революции. За что потом очень многие получили Государственные премии СССР — нынешние ТВ-лидеры: Эдуард Сагалаев, Толя Лысенко и т.д. Но в то же время редакция делала и программу «Адреса молодых». Это была довольно любопытная программа по тем временам.

— Любопытная? В каком смысле? «Отвязанная», смелая, необычная, бунтарская?

— Мы, конечно, не говорили: «Долой советскую власть, долой социализм, давайте нормально развиваться, как развивается весь мир». У многих из нас тогда и мыслей таких не было, наверное. Правила игры надо было принимать. Но тем не менее все-таки мы говорили о каких-то ребятах, которые что-то делают.

— Ты сделал телекарьеру по партийной линии?

— Думаю, что это не так. Хотя мне пришлось окунуться в комсомольско-партийное болото. Меня, приняв в партию, как многих в то время, — пришел возраст, предложили, я не отказался. Вызвали в партком Гостелерадио и сказали: «Было бы славно, если бы вы в течение вашего кандидатского стажа поработали секретарем комитета комсомола Гостелерадио». Это был 80-й год. Я ответил, что в жизни никогда не работал комсомольским работником, ничего в этом не понимаю. Мне сказали, что и не надо понимать. «Это творческая организация, главное, чтобы развивалось творчество».

— Но у тебя, видимо, неплохо получилось? В конце-то концов.

— Для меня это была, конечно, совершенно новая ипостась. Но игра есть игра, правила есть правила, надо было подчиняться, другого выхода не было. Поэтому я три с половиной года проработал секретарем. На этом посту пережил двух генеральных секретарей: Брежнев и Андропова. Вообще, это отдельная тема разговора, что такое комсомол. Большого абсурда, большей нелепости я не видел нигде. Трудно было понять, чем занимается комсомол.

— Ты станешь отрицать, что комсомольский вождь из тебя получился? Ведь не выгнали же тебя с этого поста?

— Так или иначе, у нас была довольно неплохая команда комсомольцев. Влад Листьев — из

той же команды. Создатель «Поля чудес», «Темы» — мой комсомолец в прошлом, довольно активный. Кстати, и Мукусов тоже, а Толя Лысенко прекрасно справлялся с обязанностями секретаря парторганизации редакции. Да и Эдик Сагалаев до прихода на ТВ работал в ЦК ВЛКСМ. Так что мы пытались так или иначе этот абсурд убирать, поскольку все-таки были творческой организацией. Мы считали главной целью для себя дать возможность молодым людям пробить стену из старых монстров, которые заняли все ключевые посты. Тогда председателем был Лапин. У него были определенные взгляды на эти вещи. Он считал, что молодого журналиста надо мариновать, довольно долго, чтобы подпустить его к микрофону, к камере.

«ВЗГЛЯД»

— После комсомольского периода своей биографии ты вернулся в редакцию пропаганды?

— Да. В 87-м году (по старой памяти) Сагалаев пригласил на программу «Взгляд». Заведующим отделом, где собралась вся команда, готовящая эту про-

грамму.

— Разве не Лысенко руководил «Взглядом»?

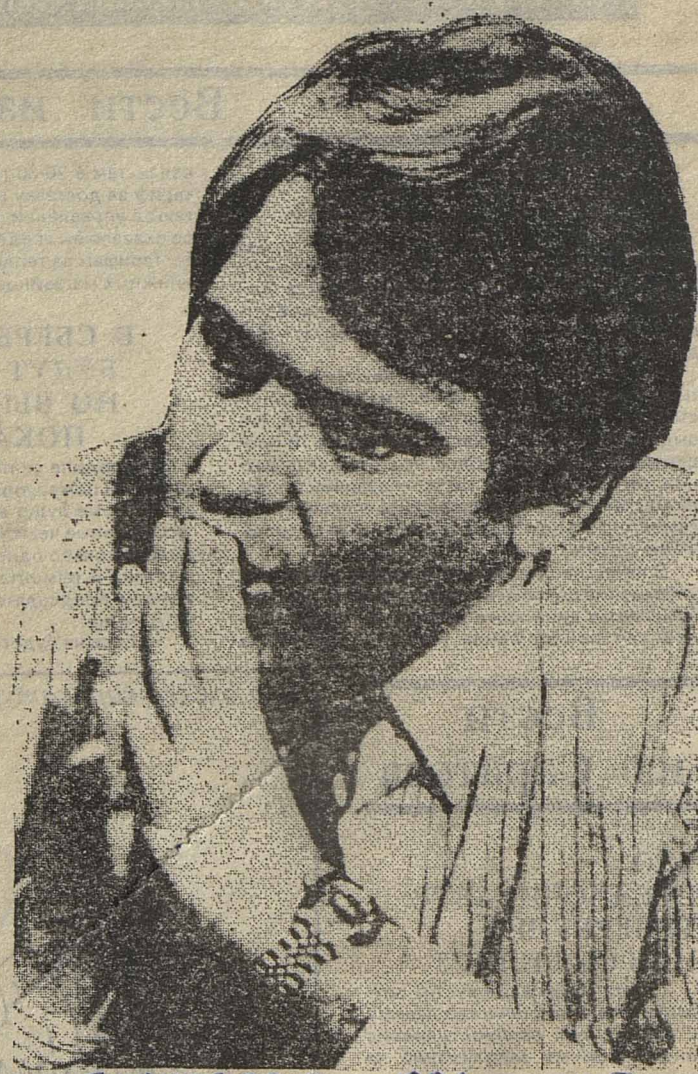
— Толя был заместителем главного редактора. Я как администратор, вероятно, был его правой рукой. Лысеный, как мы его любовно звали, конечно, вкладывал туда всего себя. Огромная часть выдумки «Взгляда» — это Толя Лысенко, безусловно. И ведущие — тоже Лысенко. Он пригласил этих ребят. За стол ведущего я сел в 86-м. И Толя был не против. Сагалаев был недоволен ребятами, был недоволен манерой ведения Любимова, Листьева и Захарова, программой, которую они делали. Он хотел острей публицистики, а не развлекательного шоу. Вообще, он считал, что должно быть какое-то разнообразие. Когда Са-ша, Дима и Влад вели, был один «Взгляд», когда садился Мукусов, это был другой «Взгляд».

— Ты пришел ведущим, когда Мукусов уже вел передачи?

— Да, Мукусов уже был ведущим. Мы с Политковским одни из последних сели, примерно в одно и то же время. Мальчики (так первую тройку звали) держались своей командой. Мукусов сработался с Политковским. Я оказался один. И тогда мы подумали: а почему бы нам не приглашать людей? Чем больше будет новых лиц, тем лучше. И вот я начал приглашать в каждую свою программу какое-то новое лицо. Это была моя собственная инициатива. Актриса Лена Тонунц, Ира Латунина из журнала «Новое время», Саша Дроздов из «Комсомольской правды» (сейчас он ведет «Планету», а в последнее время был главным редактором газеты «Россия»), Тема Боровик из «Огонька».

— У тебя большая возрастная разница с ведущими, ты ведь лет на 10 старше «мальчиков»?

— Нет, немножечко меньше. Дело в том, что Мукусов, Политковский и я — мы все одинакового возраста. А с ребятами, конечно, есть разница. Может быть, поэтому и программы были другие.

Сергей ЛОМАКИНА

НЕПРИЯТНОСТИ

— У тебя самой скандальной была программа, когда ты пригласил Полторанина, по-моему...

— Я знал его еще как главного редактора «Московской правды». Даже в меньшей степени как человека Ельцина, но как человека очень смелого. И неординарно мыслящего, дающего какие-то любопытные материалы. Его убрал из «Московской правды», и это стало для меня сигналом: пригласить в студию. Он пришел. «Вы знаете, вот такая вот информация для вас, вы смотрите сами, решайте». Ситуация с выборами Ельцина, тот подлог, который практически совершил горком партии. Мы сказали, что не будем давать это на «Орбиту» (это, естественно, сразу вырежут), а дадим на Москву, в прямом эфире. Он сказал: «Вы учтите, это может довольно печально, особенно для тебя, Сережа, кончиться». Потому что ты — штатный работник ЦТ. Но эта информация стоила того, чтобы ее давать! И произошел скандал. Неожиданный для многих. Вот тогда действительно на телевидение приехал Зайков. И Медведев (как секретарь по идеологии). Тогда был Аксенов, председатель телерадиокомитета, и Попов, первый его заместитель. Они приняли решение. Вся программа, которую мы вели тогда, была названа антисоветской. Не вся программа «Взгляд», а именно этот выпуск. «Ярко выраженная антисоветская программа, сделанная в провокационном стиле». Мы ведь рассказали, как с Ельциным поступили. А в воскресенье прошли даже митинги, манифестации в поддержку Ельцина. Мне в понедельник было сказано, что я отстраняюсь на 3 месяца от эфира и дело мое выносятся на объединенное заседание коллегии парткома. Редакция решила прикрыться немножко, и мне вынесли строжайший выговор. Было собрание редакционного коллектива. Осудили. Но я думаю, для того, чтобы меня немного прикрыть. Тем не менее 3 месяца я болтался практически без дела, снимал какие-то материалы, ездил в командировки и фактически снова появился через 4 месяца.

это было как раз незадолго до фестиваля молодежи и студентов в Лхеньяне в 89-м году. Французская телекомпания «АТ-2» обратилась с предложением записать на студии «Взгляд» прямую программу из Москвы с советскими участниками.

— Это стало поводом для ухода из «Взгляда»?

— Где-то ближе к осени в 89-м году мне показалось, что «Взгляд» начинает задыхаться. Он использовал все темы, которые можно было использовать. Площадка была вытоптана нами полностью. Надо было переходить на другую площадку. Или копать глубже. Это было сложно. И все же 1987-1989 годы, по-моему, были золотой эрой телевизионной журналистики. Вспомни, сколько новых, талантливых программ! Хотя два снятия «Взгляда» с эфира, в 1990 и 1991 годах, конечно, вновь вынесли его на пик популярности.

— То есть ты признаешь, что просто не захотел работать на трудном участке?

— Возникали многие проблемы. Внутренняя ситуация во «Взгляде» вообще любопытна. К сожалению, как это ни обидно, но такого сплоченного коллектива, как представлялось зрителям, во «Взгляде» не было. Были группы, которые не слишком хорошо относились друг к другу. Это очень печально. Была не конкуренция друг с другом, а было какое-то очень доброе соперничество. Я оказался на периферии.

— Что это значит? Тебя бойкотировали твои коллеги? Начальство намекало, что пора отваливать? Что заставило тебя написать заявление об уходе?

— Некая настороженность со стороны других ребят по отношению ко мне. Мы никогда не были очень близки, никогда не были друзьями.

— А в чем, по-твоему, было дело?

— Может быть, они подумали, что...

(Окончание на стр. 15)

ЧЕРНЫЙ СПИСОК Сергея ЛОМАКИНА

Волжские новости - Волгоград, 1992 - сеп. - с. 15
(Окончание. Начало на 4-й стр.)

что я не укладываюсь в рамки «Взгляда». Я почувствовал некое нежелание, скажем, моего присутствия во «Взгляде». Для меня это было тяжело, потому что у меня не было других вариантов. И предложение Сагалаева вовремя для меня возникло (он стал меня звать в программу «Время»).

— Ты как-то сразу вписался. Ты был гораздо более прогрессивен для «Времени» при том, что недостаточно радикален для «Взгляда».

— Я очень долго сомневался, принимать это приглашение или нет. Потому что для меня программа «Время» была, во-первых, чисто официальной и правительственно-протокольной (а это значит, что там невозможно было развернуться). Второе, что меня всегда останавливало: набор людей, которые в этой программе тогда были. Уже какой-то стереотип выработался. Когда Сагалаев туда пришел, он пытался это все разрушить, пытался вставить туда новых людей, и ему это удавалось.

«ВРЕМЯ»

— Это правда или нет, что тебя отстранили от эфира и во «Времени»?

— Это была ситуация с литовскими событиями в январе 1991 года. Первым заместителем тогда был Решетов. Все началось с того, что он пришел и предложил свой вариант комментария по Литве. Там были слова типа того, что «народ выступил противником правительства Ландсбергиса, которое ведет Литву по капиталистическому пути развития». Полный бред.

Я сказал, что все это очень странно, но это читать в эфире я не буду, потому что это не мой текст. На что он сказал, чтобы я читал без разговоров. Оставалось полчаса до эфира. Я переписал этот текст, вложил в него примерно такой смысл: «Есть опасения, как бы события не развернулись в негативном плане». Это в живом эфире видел Решетов. Ногами стучал, махал руками. Мне в редакции сказали: «Ну все, старик, тебе конец. Ты нас подвел. Как же так, ты такой-сякой. Завтра на утро тебя вызовет Решетов. Тебя от эфира отстранили». Я пошел к Решетову, он со мной очень долго беседовал. Говорил, как же я мог, как осмелился ослушаться. Я говорю: вы знаете, я не понимаю этой ситуации. Если вы считаете, что это должно быть в эфире, тогда пускай садится диктор и прочитает вам что угодно, что у него такая обязанность — что ему кладут, то он читает. Если вы хотите иметь ведущего в программе, значит, ведущий должен что-то вкладывать свое. Одно из двух: или доверяете ведущему, который работает, или вы сажаете диктора, мы уйдем из программы. (Сагалаев тогда уже не было, он уже ушел.) «Будем с тобой разбираться, а пока иди».

— А насколько вообще комфортно было в новой программе?

— Если честно, то информация как жанр мне ближе. Потом, конечно, для каждой передачи нужна своя физиономия. Каждая передача накладывает свой отпечаток на ведущего, требует определенного имиджа.

Что же касается собственно информации, то даже сейчас «Новости» Останкина (да и «Вести» тоже) — это так или иначе правительственный информационный рупор, который предполагает движение в определенном фарватере). Конечно, есть и была воз-

можность немножко маневрировать. Это зависит от умения и профессионализма ведущего. Но все равно: альтернативы государственной информации как не было, так и, увы, нет до сих пор. И вряд ли будет.

— Случались ли моменты, когда ты говорил в эфире заведомую ложь?

— В принципе, отделить правду от лжи во всех тех событиях, которые происходили (когда я работал в программе «Время»), было очень сложно. Но у нас были свои соборы и спецкоры, которым мы вынуждены были доверять. Когда происходили события в Литве, туда ездили несколько наших бригад. Мы должны были доверять их подаче. И я доверял. Хотя знал наверняка, что литовская сторона категорически против той информации, которая шла во «Времени». После кровавых апрельских событий в Тбилиси туда поехали Фесуненко и Флярковский. И те сообщения, которые они присылали, давала программа. Естественно, в Грузии были возмущены. Там считали, что передавалась неправда.

Вопрос в другом: положение журналиста, который находится на месте, абсолютно зависимо (особенно сейчас) от ситуации и от местных условий. Если раньше он идеологически был не свободен, то теперь его могут убить, если он будет говорить не то, что кому-то выгодно.

ЕЛЬЦИН

— Говори про интервью с Ельциным. Как все происходило: вызвал Кравченко, сказал, что, мол, доверится такая ответственная работа? Откуда были вопросы?

— Меня уже не первый раз спрашивают, кто мне эти вопросы написал. Да никто, сам я.

Если бы все-таки кто-нибудь когда-нибудь почитал расшифровку этого интервью, то понял бы одну простую вещь: у меня было всего три вопроса: отношение Ельцина к экономической реформе, создание Российской армии и взаимоотношения его с Горбачевым. Последнее мне казалось очень важным, потому что их отношения приобрели уже оттенок скандальных и неприличных анекдотов. Но когда мы пришли на эфир, Олег Попцов мне сказал: «Старина, у меня тут написано шесть вопросов, три тебе, три мне, поочередно». Я сказал: «Олег, нет проблем, но у меня есть свои вопросы». Кстати, вы никогда не думали, почему Ельцин давал интервью двум журналистам? Просто какая-то непонятная вещь — мой уровень комментатора и уровень Попцова, председателя Всероссийской телерадиокомпании... Это я уже потом догадался, что они это сделали, чтобы любыми способами исключить неприятные вопросы. Кроме всего прочего, Ельцин-то шел не на интервью, мне так было сказано, Ельцин хотел обращения к нации. «Ну раз, говорю, обращение, то пусть садится перед камерой и говорит 45 минут». Как выглядел бы журналист, берущий интервью у человека, у которого обращение написано на листочках, подготовлено, отрепетировано, и вдруг этот журналист задает вопрос, когда понятно, что ему нужно заткнуться на четвертой минуте и предложить Борису Николаевичу сказать все, что он подготовил. Игра-то была понятна, но я в эту игру не сыграл. И не надо выдумывать, что журналист был такой невежливый человек, жуткий просто

Ломакин, который перебивал главу государства. Не в этом же суть.

— И что Кравченко сказал после интервью?

— Он позвонил вот по этому самому телефону и сказал: «Мне кажется, все прошло нормально». Больше никто из начальства ничего не говорил. Это была единственная оценка, если не считать несколько десятков статей и упоминаний совершенно иного, естественно, тона.

— А на улице после этого ругательства в спину?

— Всякое было, между прочим. И ругательства, и благодарности. Люди иногда говорили, что они увидели другого Ельцина. А кто-то говорил, что я неправильно себя вел и наступил демократии на горло.

— А ты с Яковлевым как-то общался после его назначения?

— Это было один раз. Где-то в начале сентября он вызвал всех политобозревателей, интересовался, чем они собираются заниматься в дальнейшем. Он был чрезвычайно любезен с Валентином Зориным, Игорем Фесуненко и другими, которые сейчас в Италии, Австрии и т.д. Он был любезен с ними и невероятно холоден со мной, не смотрел в мою сторону. Обращался ко мне только «вы», но не по имени, не по отчеству, никак. Ну, я эту атмосферу почувствовал, естественно.

— А от чего такое разное отношение?

— Да очень просто. Во-первых, все прочие — это его старые друзья. Режимом, тогда были одни игры, теперь другие, но люди-то остались те же. Валентин Сергеевич Зорин был политобозревателем при Брежнев, при Андропове, при Черненко, при Горбачеве и так далее. Яковлев был тоже известный человек при всех режимах. Нормальные у них отношения. Они ровесники, знают друг друга много лет... И потом, они же ведь не брали интервью у Ельцина, не замаскированы в чем. Ну, служили раньше, а кто же не служил. Сейчас будем другим служить. Нет проблем!

А я в черном списке. Мною недоволен лично Борис Николаевич. Он передавал через наших ребят, которые приезжали интервью к нему брать, что Сережа Медведев хорошо вопросы задает, «а вот у вас есть другой Сережа, так он плохо, очень плохо интервью берет». Это все, естественно, тут же — по коридорам. Хотя я не считаю, что все это ужасно. Всегда должен кто-то быть в черном списке, кто-то в белом. Привычно. У нас в стране по-другому быть не может.

ДРУЗЬЯ

— Все эти события были удивительным. Жизнь сломана?

— Перелом наступил тогда, когда началась компания в прессе против меня (после этого интервью). Мне было безумно обидно, потому что я никогда не считал себя врагом демократии, Ельцина, чего бы то ни было. И, если говорить абсолютно искренне, это было чудовищно. Я никогда не был близок к какому-то «кормушечным» слоям, никогда в жизни. Весь мой путь в журналистике — собственный мой труд. У меня никогда не было покровителей, только был и, надеюсь, остается

один очень добрый приятель (хотя сейчас мы практически не видимся, я его очень ценю и уважаю). Это Эдуард Сагалаев. Но у меня никогда не было ни казенных машин, ни служебных поликлиник. Я всю жизнь зарабатывал свою зарплату, какие-то гонорары, моя семья жила как средний слой людей, мы не могли похвастаться тем, что у нас большой достаток.

И потому когда вдруг меня окрестили врагом демократии, это было страшно и безумно обидно, потому что я не был никогда апологетом коммунистического режима. Я, правда, никогда не говорил, что этот режим преступен, но и не пользовался его благами. Обычный человек, как все, которого обирали, «обували», обманывали все эти правители. Когда я стал слышать и читать эти очень грубые и неприятные обвинения моих коллег-журналистов, (к которым всегда очень хорошо относился), это было, конечно, для меня ударом. И очень чувствительным ударом. Любопытная вещь: за все то время не было ни одного репортера, который задался бы целью взять у меня интервью и спросить: «Старик, расскажи мне о твоих взглядах, что ты исповедуешь, что для тебя главное в жизни». Ни один не задал мне эти вопросы, ни один. Но все однозначно поставили мою фамилию в список врагов.

И когда ты себя начинаешь накручивать, когда ты ловишь в любом взгляде осуждение, даже если, может быть, его там нет, — это очень тяжелая жизнь. Я благодарен своей семье, своей жене, что все эти месяцы они были со мной. Это дорогого стоит, если честно.

— А друзья? Были такие, кто перестал звонить после этих событий?

— Искренние друзья — ни один. Более того, в сентябре, когда мою фамилию склоняли на каждом углу, мне позвонили несколько самых близких друзей и сказали: «Знаешь, что бы ни произошло, даже если тебя выгонят с работы, ты знай твердо: пока ты не пристроишься, мы будем держать тебя и твою семью». Есть очень хорошая восточная поговорка: «Если ты хочешь узнать, как к тебе относятся люди, умри на один день». Когда в первый раз появился в программе «Утро», вроде реабилитировали, у меня начались дома звонки, возникли люди, которые раньше со мной не общались, предлагали свои услуги, помощь. Но это хорошо. Я считаю себя счастливым человеком: имел возможность испытать всех своих друзей.

— Сблизился с семьей после всего этого?

— Да мы, в общем, всегда были близки, у нас не было никаких тайн друг от друга, причем у всех, и у детей тоже.

— Дети взрослые?

— Да, сыну 16, дочери 14. Они могут что-то понимать, у них не было ни осуждения, ни страха перед будущим. Я думаю, что они стали немножко взрослее.

— А в школе не было никаких инцидентов?

— Слава Богу, нет. Величайшее наше счастье, что мы во всю эту политическую грязь не втянули пока наших детей. Вот когда их втянут, будет тяжело.

Ольга ВОЛКОВА,
Евгений ДОДОЛЕВ.
(«Новый взгляд»)